

Сказ об Онегине на острове Бұяне

Литературное хулиганство

Александр Заборин

Александр Заборин

Сказ об ОнегинЕ на острове БуянЕ

«Автор»

2026

Заборин А. Ю.

Сказ об ОнегинЕ на острове БуянЕ / А. Ю. Заборин — «Автор», 2026

«Сказ об ОнегинЕ На острове БуянЕ» Литературное хулиганство в семи частях Пушкинский герой сбегает от Скуки — и попадает в самую гущу сказочного абсурда. Волшебный Пендель, влюбчивая Хрень, Дух, Черпак, Дембель и другие герои порой говорят рифмами — но чаще всего плохими А Александр Сергеевич Наше Всё бессовестно присваивал их все равно, честно признаваясь: «Да, Пушкин — сукин сын». Сам же Евгений всё это время пытается понять: какого, простите, СлучАя его на Буян занесло? Да ещё и успевая трижды поменять то, что ниже сюртука, не снимая килта. Писано автором за семь конкурсных дней на бегу с единственной мыслью — «А не хрень ли пишу?» Хрень получилась та ещё. И она вас уже полюбила. Так полюбите ее и вы. Рекомендуются всем, кто скучает по самиздату 80-х (где за окном шёл Штирлиц, снег и рота красноармейцев) и ценит литературный абсурд с нарушением правил — и русской грамматики, и хорошего тона.

© Заборин А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть Первая. Переступи порог	8
Часть Вторая. Говорящая печь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Заборин

Сказ об ОнегинЕ на острове БуянЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Которое можно совсем не читать,
Но Сказ тогда будет трудно понять.

У лукоморья дуб зелёный,
Но речь сегодня не о нём,
— А о Буяне отдалённом,
Мы разговор свой поведём.

Читатель честный, стар и млад!
Не торопись ты бить в набат.
Сперва дослушай, не серчай,
А уж потом меня ругай.

Книга эта — плод доработки
Автора спешно-небрежной готовки
Для литературного соревнования,
Бывшего сказочникам в состязанье.

Длился неделю тогда этот бой:
Трудились участники весь день-деньской.
А вечером новый давался наказ:
Заданья и моды. И так много раз.

При этом условие только одно,
Но очень суровое было оно:
Выкладывать главы точнёхонько в срок,
Тогда лишь получишь ты новый урок.

А опоздаешь коль невзначай —
Поблажки не будет, конкурс прощай.
Лишён будешь права на продолженье
Не взирая на прущее вдохновенье.

Но никто и работу ведь не отменял,
Да и суетных дел не уменьшился вал
Потому и писалось все впопыхах,
Когда были паузы в прочих делах.

В обед, и украдкой между дел,
Когда на меня мой босс не глядел,
В дороге, за кофе, и на бегу —
И с музой, и без, и через не могу.

Так сильно сей конкурс меня вдохновил,
Ведь когда-то и сам я не дурно творил:
Сказки слагал для своих дочерей,
Чтобы уснули они поскорей.

Но выросли ныне девчонки мои
И сказки ночные им не нужны
Другие теперь в их головках мечты
И это нормально, нет в том их вины.

И вот я решил, как и ране бывало,
Взяться за старое дело сначала.
Да и взрослым писать — раздолья поболе:
Можно позволить себе своеволие.

Тут можно слегка и похулиганить,
Никого не боясь своим словом поранить...
Над классиками постебаться чуть-чуть,
И даже не чуть, а слегка перегнуть.

Но шутке любой, как всем нам известно,
Свое положено точное место.
И время — добавить серьезности дозу,
Поэтому — перехожу на прозу.

Итак, задания конкурса выдавались ежедневно на протяжении недели. Возможно, именно поэтому некоторые повороты сюжета покажутся читателю странными, отдельные — абсурдными, а кое-какие и вовсе вызовут закономерный вопрос:

— Автор, ты это серьезно?

Отвечаю заранее: не всегда.

Дело в том, что организаторы конкурса обладали редким даром. Они умели каждое утро придумывать такое задание, которое накануне вечером не пришло бы в голову ни одному здравомыслящему человеку. Поэтому местами повествование напоминает не плавное путешествие на «Бэхе» по хайвею, а скачку по русским кочкам на «Приоре». И если на очередном ухабе сюжет вдруг подпрыгнет выше головы — знайте: виноват не водитель, а состояние дороги.

Впрочем, чтобы моя индульгенция выглядела убедительнее, перед каждой частью «Сказа» будет приведено краткое содержание полученного задания. Краткое — потому что организаторы, хоть люди и талантливые, но с сестрой таланта не сильно дружны. А мне, как автору, хочется, чтобы читали «Сказ», а не конкурсную документацию.

Следует также отметить, что правила конкурса отличались известной снисходительностью к авторскому своеволию. Задания разрешалось толковать широко, узко, вкривь, вкось и даже немного наискосок, если это помогало развитию сюжета. Главное — сохранять общую направленность происходящего и не слишком удаляться от первоначального замысла.

Помимо основного задания существовал ещё и так называемый модификатор (мод) — дополнительное усложнение для каждой новой главы, которое должно было затруднить жизнь автору и, вероятно, развлечь организаторов. Эти моды также приводятся перед соответствующими главами, чтобы каждый желающий мог оценить степень моего литературного сопротивления обстоятельствам.

Поэтому при чтении вы можете не только следить за приключениями героев, но и примерить мантию строгого, но справедливого литературного судьи. Насколько удачно я справился с заданиями, где выкрутился, где схитрил, а где откровенно спасался авторским произволом — решать вам.

Отзывы, замечания и предложения по улучшению текста приветствуются. Автор не обещает немедленно согласиться с каждым из них, но обещает внимательно прочесть и по возможности сделать благодарное лицо.

На этом предисловие заканчивается. Пора отправляться на Буян.

Приключение начинается.

Часть Первая. Переступи порог

Пора пришла¹ — и солнце встало.
Онегин наш лежит в бунгало.
Ну как бунгало? Так, сарай,
Куда занес его СлучАй.

Он огляделся: «Что ж, увы,
Лежу не на берегах Невы...»
Ах да, представлю вам, читатель:
Герой — Онегин, мой приятель.

Его дружок — слепой СлучАй
Заваривал в кастрюльке чай.
Тут Женья крикнул: «Обормот!
Ведь знаешь же — люблю компот!»

В ответ СлучАйка промолчал,
Лишь репу нервно почесал,
Пытаясь выразить спиной,
Что настроение — отстой...

Ой, на работу мне пора —
Пегаса в стойло ставлю я.
До ночи буду не онлайн,
А там с дубиною Дед Лайн.

И так всё утро просидел,
Над сказкой странною корпел,
А времени совсем уж нет —
На прозу перейдет поэт.

Онегин поднялся с помятого тюфяка и огляделся по сторонам, тщетно пытаясь понять, где находится. Место было незнакомым. Как он сюда попал — тоже оставалось загадкой. Хоть заново крестись, хоть память по сусекам скреби.

Голова после вчерашнего гудела как чугунный котёл, в котором сутки щи варились-варились, да выкипели, а потом все ошмётки выскребли и напоследок от души постучали черпаком по доньшку.

«Судя по последствиям, вечер удался», — решил Евгений.

¹ - **Задание №1. Переступи порог.** Герой просыпается на острове Буяне. Ничего не помнит или помнит смутно. Рядом кудахчет избушка на курьих ногах (или как придумаешь). Внутри — старуха, которая, ничего не объясняя, протягивает герою три (любых) предмета. Эти условия можно изменить, подстроить под себя, укрупнить или уменьшить. Но герой, локация и некий персонаж, который дает предметы, должны остаться. Важно: герой должен взять предметы; он может задать один вопрос — любой, кроме “где я?” и “как уйти?”; старуха (или герой, которого ты придумаешь) отвечает загадкой, смехом или молчанием. Ну и отправляя героя в путь по острову! Приключение начинается!

Он молча взял кружку с чаем, который заварил СлучАй, и осторожно отпил. Чай оказался на удивление приличным. Впрочем, со СлучАем никогда не угадаешь: ждёшь неприятностей — получаешь чай, ждёшь чая — получаешь неприятности.

По усам текло² приятно, в рот попадало значительно меньше. Усы при этом одобрительно шевелились, словно были полностью согласны с таким распределением.

Закусить тоже хотелось. Порывшись среди хлебных корок и прочих следов вчерашнего пиршества, Онегин обнаружил плавленый сырок «Дружба». Развернул, откусил и философски заметил:

— Да-с... дружба со СлучАем — занятие весьма своеобразное.

Вслух же, пытаясь восстановить события минувшего вечера, Евгений осторожно поинтересовался:

— А что вчера было-то?

СлучАй стоял у печки и сосредоточенно готовил завтрак. Судя по запаху, завтрак сопротивлялся. Причём активно. Время от времени из чугунок доносилось подозрительное бульканье, а СлучАй в ответ помешивал варево с таким видом, словно вёл трудные переговоры.

Не оборачиваясь, он что-то подсыпал в котелок, что-то из него выловил, после чего ворчливо, но без особой злобы процедил:

— Шампанского пробками в потолок стрелял,

Напившись, Ягу за девицу принял.

И сильно к старушке весь бал приставал,

На Силу... не глядя — и он осерчал.

Теперь вот с тобой на Буяне сидим,

Пока все грехи твои не искупим.

«Не искупим, а искУпим», — машинально отметил про себя Евгений.

Впрочем, вслух поправлять не стал.

Во-первых, потому что был человеком воспитанным. А воспитанный человек остаётся таковым при любых обстоятельствах: будь то великосветский салон на берегах Невы или избушка неизвестного архитектурного назначения у природы в... сами знаете где.

Во-вторых, потому что был человеком совестливым. И прекрасно понимал: тот, кто накануне перепутал Бабу-Ягу с юной девицей, временно лишается морального права придирается к чужому произношению.

Помолчали.

Потом ещё немного помолчали.

Потихоньку-полегоньку повеяло Скукой.

Обычная скука была бы ещё ничего. Но эта была та самая Скука — с большой буквы. Онегин хорошо её знал. Она вообще редко ходила одна. Стоило ей появиться, как вслед за ней непременно приходил Скучный День. А Скучный День, по глубокому убеждению Евгения, был куда хуже любого похмелья.

Поэтому он решительно поднялся и направился к двери.

— Со мной? — спросил он СлучАя.

СлучАй лишь тяжело вздохнул.

Судя по звуку, вздох предназначался не столько Евгению, сколько мирозданию в целом и был, вероятно, вызван ходом непростых переговоров с завтраком.

² - **Модификатор (Мод) №1**. По усам текло, в рот не попало (вообще-то это означало, что модификатора нет, но я, по неопытности и на всякий случай, его использовал).

После этого СлучАй вновь склонился над печкой и сделал вид, будто происходящее за её пределами его совершенно не касается.

Евгений помедлил на пороге. Немного потоптался в надежде, что друг всё-таки передумает и составит компанию.

Но где-то неподалёку уже слышались знакомые шаги Скуки.

«Ну и Скука с тобой, — подумал Онегин. — Всё равно от тебя ни хода, ни мода. По крайней мере сегодня».

Подойдя к выходу, Евгений вдруг вспомнил про недоеденный сырок.

Недолго думая, он сунул «Дружбу» в первый попавшийся под руку Лопух.

Лопух был самый обыкновенный.

Откуда он взялся посреди избы — вопрос отдельный.

Но на Буяне такие вопросы задавать было не принято. Иначе пришлось бы удивляться с утра до вечера, а на подобный образ жизни даже у местных не всегда хватало сил.

Уже переступая порог, Евгений машинально сунул сверток в карман. А карман — на задней поверхности штанов.

Сделав ещё шаг, Евгений вдруг замер.

На нём были штаны!

Не брюки.

Именно штаны.

С карманами на ж... скажем так, на тыловой части организма, которую приличные люди предпочитают не выставлять на первый план ни в одежде, ни в разговоре.

Евгений так и застыл с поднятой ногой.

Для него, обычно одетого как лондонский денди, это было хуже, чем проснуться в хлеву. Денди и среди свиней — денди. Но быть одетым в штаны как свинья в панталоны ... — испытание совершенно иного порядка. Онегин был способен пережить многое: безденежье, похмелье и даже сельскую местность. Но штаны, с карманами на задку — это был удар по самым... основам его мироздания.

«Боже мой, до чего я докатился?» — ужаснулся он.

Евгений воровато оглянулся.

К счастью, свидетелей его позора поблизости не наблюдалось. Если не считать СлучАя.

Впрочем, СлучАй хоть и был существом крайне ненадёжным, болтуном никогда не слыл.

Но пока Онегин стоял на одной ноге, переживая крупнейшую модную катастрофу со времён французской революции, СлучАй времени даром не терял.

Как и положено СлучАю, он совершенно неожиданно подвернулся.

Потом размахнулся.

И отвесил Евгению добротного Волшебного Пенделя, который пришёлся не только сзади, но и весьма кстати.

Потому что в этот самый миг избушка на курьих ножках, которой на поверку и оказалось местное бунгало, решила немного помочить ноги в море-окияне.

Крыльцо внезапно ухнуло вниз. И если бы не своевременное вмешательство Пенделя, Евгений непременно отправился бы следом.

Причём он бы не только плюхнулся с высоты, но и обмочился — в смысле, промок в солёной воде. А это означало бы мокрые штаны.

После недавнего открытия, что на нём вообще надеты штаны с задними карманами, подобное испытание могло окончательно подорвать душевное равновесие нашего героя.

Так что Пендель от СлучАя спас не только тело Онегина, но и остатки его аристократического достоинства.

— Спасибо, друг! — крикнул Евгений СлучАю.

Случай не ответил.

То ли не расслышал, то ли решил, что на сегодня уже перевыполнил план по добрым делам.

«Что ж, в дороге всё пригодится», — подумал Онегин.

И, недолго думая, сунул Пенделя в тот самый задний карман, где уже лежали Лопух с «Дружбой».

Лопух только укоризненно хрустнул.

А вот «Дружба» оказалась не столь дружелюбной и немедленно выразила протест.

Сырок вообще был существом мягким, но весьма принципиальным.

Однако Пинок — именно так друзья называли Пенделя в неофициальной обстановке — быстро навёл порядок присущими ему воспитательными методами.

После чего в кармане воцарилась дружба.

«Дружба» тоже.

Причём поверх Лопуха.

Лопух на это лишь философски хрустнул.

Автор уже было собрался подробно описать, как Пендель утихомирил сырок и установил с ним крепкую мужескую, женскую, транс (нет, совсем не подходит) — в общем крепкие дружеские отношения. Тёплые. Конструктивные. В меру воспитательные.

Как Пендель представился Пинком своим сокамерникам... то есть сокарманникам.

Как для знакомства слегка наподдал «Дружбе» под её наиболее мягкую сторону.

Как сырок от такого обращения растёкся по Лопуху не только мыслью, но и всей своей плавленной сущностью.

Как Лопух от избытка чувств принялся щекотать нового соседа своими ворсинками.

И как «Дружба» в конце концов пришла к мудрому выводу, что лучший худой мир на лопухе, чем толстая и хорошо сформированная ссора в тесном кармане.

Однако тут Автор заметил любопытную странность: «Дружбу» он писал в кавычках, а Пендель — без.

Непорядок.

Автор решил восстановить справедливость.

Попробовал взять Пенделя в кавычки.

Пендель обиделся.

Попробовал снять кавычки с «Дружбы».

Но те после знакомства с педагогическими методами Пинка прилипли намертво.

Сырок, как выяснилось, обладал на редкость цепким характером.

Тут Автор посмотрел на часы и обнаружил, что времени до работы осталось ровно столько, чтобы начать нервничать.

А спорить одновременно с Пенделем, сырком и знаками препинания — занятие не только хлопотное, но и небезопасное.

Поэтому он оставил всё как есть.

Тем более что на Буяне даже знаки препинания живут по собственному разумению.

Местный «Твикс» — эта сладкая парочка «точка с запятой» — так вообще не явился. Переволновался. Узнал, что Автор участвует в литературном конкурсе, и взял отгул по состоянию пунктуации.

Впрочем, удивляться тут нечему.

Все мы в той или иной степени дружим со Случаем.

Именно поэтому наши поступки не всегда поддаются объяснению.

Да что там поступки.

Иногда даже сюжеты.

Возможно именно он — Его Величество СлучАй, а не Онегин — и есть главный «герой нашего романа».

Но это ещё предстоит выяснить.

Причём не только читателю.

Самому Автору тоже весьма любопытно.

Онегин тем временем поднялся на пригорок, где тропинка раздваивалась.

Никаких указателей, разумеется, не было.

На Буяне указатели ставит только Скука. Да и то так, что всякий раз теряет первую букву «К» своего имени.

Так что идти можно было хоть направо, хоть налево.

— А, без разницы, — решил Евгений, ещё не зная, что скоро об этом пожалеет.

Впрочем, это случится лишь в недалёком, хотя и совершенно неизбежном будущем. А пока он по старой петербургской привычке свернул туда, куда сворачивают все настоящие денди, даже если идти решительно некуда.

Налево.

Почему именно налево — науке неизвестно. Возможно, потому, что направо обычно отправляют правильных героев. А денди всегда стараются идти своим путём.

Так или иначе, Онегин повернул налево и бодро зашагал по Буяну.

Вокруг не было ни души.

Только шуршал морской прибой.

Где-то позади недовольно кудахтали избушка.

Да Лопух похрустывал в кармане с достоинством старого хранителя дружбы. Причём не абы какой, а вполне конкретной — плавленной.

Всё выглядело на редкость спокойно.

Подозрительно спокойно.

Настолько, что любой опытный читатель уже должен был насторожиться. Потому что неприятности в хороших, как у нас, историях — существа воспитанные. Они не врываются без приглашения. Они заранее занимают место за ближайшим кустом и терпеливо дожидаются своей очереди выйти на сцену — как раз тогда, когда герой достаточно расслабится.

Часть Вторая. Говорящая печь

Онегин быстро шагнул по тропинке³, стараясь уйти от настигающей скуки как можно дальше. Он так спешил, что не заметил: вдруг откуда ни возьмись появился... Зашибись. Зашибись, недолго думая, подставил зазевавшемуся Евгению подножку. Тот споткнулся и с размаху рухнул лицом прямо в какую-то хрень. Да так неудачно, что Хрень ему в рот попала и к зубам пристала.

— Вот хрень⁴! — воскликнул Евгений, отплевываясь.

— Спасибо, мне очень приятно, — нежно прошептала Хрень у него за щекой. — Ты первый, кто произнёс моё имя так чувственно.

— Ничего подобного! — попытался возразить Онегин.

Но было поздно. Хрень уже всё поняла. Разумеется, по-своему. Она с первого слова Евгения полюбила и быть с ним до конца жизни решила.

— Ну что это со мной за хрень приключилась? — мрачно подумал Евгений.

— Вот именно! — тут же счастливо откликнулась Хрень.

И замолчала.

Но ненадолго. Потому что молчание — не лучший способ строить отношения.

С тех пор она считала своим долгом откликаться всякий раз, когда Онегин произносил что-нибудь, хотя бы отдалённо с ней связанное.

Делать нечего. Герой

Дальше двинулся с «Дружбой»,

С Пинком и Лопухом в кармане

И с Хренью на... нет, за зубами.

Пройдя ещё с полчаса, наш герой вышел на поляну, где чинно возвышалась Печь. Хоть и не золотая, но и не простая.

Во-первых, она была царицей.

Во-вторых, прекрасно это знала.

На Буяне вообще многие считали себя царями. Но только Печь могла подтвердить своё право документально: у неё имелась собственная печать. Да и выглядела она соответственно — так, будто её уже лет триста топили исключительно уважением.

К её бокам, пользуясь добротой, теплом и величавой снисходительностью хозяйки, присоседились банно-прачечный комплекс и столовая.

Рядом стоял стол, а на нём красовалась Книга почётных гостей. В ней оставили свои пожелания и Вовка из Тридесятого царства, и Емеля с Щукой, и Алёнушка с братцем Иванушкой. Змей Горыныч так вообще три одинаковые подписи накалякал. Даже Колобок отметил — жирным пятном на полстраницы.

Онегин был большим любителем что-нибудь где-нибудь написать и в этом отношении мало уступал своему другу Пушкину. Поэтому тоже решил отметить в Книге.

³ - Задание №2. Говорящая Печь. 1. Вчера мы отправили героя в путь по острову, и дорога привела его к печи (это могут быть развалины старой печи в заброшенной деревне или действующая печь, которая топится сама собой). 2. В печи живёт Дух-печник — говорливый, склочный, но не злой. Нужно прописать диалог героя с духом-печником. После диалога герой идет дальше: куда послали или куда сам решил. 3. Дух-печник даёт герою три совета. Два из них — полная чушь, один — правда. Но какой — непонятно. Герою придется решить, какому совету следовать (правильный выбирать необязательно).

⁴ - Мод №2. Слово-паразит. Герой не может избавиться от одного случайного слова, которое лезет в каждую фразу (или в каждую третью мысль).

Он уже примерился вывести первую строчку. Чернила коснулись страницы... и тут над поляной рывкнуло:

— Ты чёй-то тут хулиганишь?!

Евгений вздрогнул.

Голос был неприятный и скрипучий. По одному этому голосу можно было догадаться, что его хозяин водит близкое знакомство со Склокой, которая наверняка обитала где-то неподалёку.

— Х-хочу пожелание в Книгу добавить, чтоб х-хренью этой других позабавить, — ответил Евгений, от волнения слегка заикаясь и вновь невольно напомнив о себе Хрени.

— Это Книга для ПОЧЁТНЫХ гостей! А сегодня пятница, тринадцатое. По нечётным дням записи не принимаем. Выходной!

Судя по голосу, неизвестный был чрезвычайно доволен собой и уже мысленно накрывал стол к приходу Склоки.

— Что за хрень? — возмутился Онегин.

— Я здесь! — немедленно откликнулась влюблённая Хрень.

— Да не ты-ы-ы! — простонал герой. — А ты! — крикнул он в сторону невидимого собеседника.

— Я Дух Печник. Этой печки охраннык. Потомственный, — последовал гордый ответ.

«Вот хрень», — подумал Онегин мыслью, явно навеянной Хренью.

Хорошо, что Сашка Пушкин нас не слышит. Для него такие ударения хуже пощечины. Он бы непременно вызвал на дуэль весь местный мифологический состав.

— Так вы охранник? — решил уточнить наш герой, заодно проверяя ударение.

— Нет! Охраннык.

— Но охранник...

— Ещё раз неправильно мою должность ударишь — я тебя сам ударю. Мне по должности положено.

— А нельзя всё-таки просто «охранник»? — осторожно спросил Евгений, перебарывая страх и пытаясь навести в мире хоть какой-то порядок. — Без смещения ударения. А то правила русского языка, знаете ли, страдают. Жалко их всё же. Чай не чужие — свои, родные.

— Нельзя! — отрезал Дух. В его голосе уже зазвенели радостные колокольчики приближающейся Склоки.

— Я охраннык. С ударением. Это статус.

— Как это — статус?

— А вот так! Есть, например, докумЕнт. И есть докУмент. Вроде буквы те же, а смысл разный.

— Да какой-же разный?

— Да такой! Охранник — это профессия. А охраннык — призвание. Понимать надо!

— Но такого слова всё равно нет, — заметил Онегин.

— Это у вас нет! — всё сильнее распалялся Дух.

С каждым возражением Онегина Склока подходила всё ближе. Где-то за печью уже слышалось её нетерпеливое сопение.

— У вас, нищевродов, вообще много чего нет. А у нас есть!

Печник всё больше дурел от близости любимой Склоки.

Казалось, ещё немного — и она выйдет из-за печной трубы, потирая руки от предвкушения.

— Ну ладно-ладно. Охраннык, так охраннык, — примирительно сказал Онегин.

Склоку он не любил и готов был встречаться с ней лишь в крайнем случае — когда других способов убежать от Скуки уже не оставалось.

Дух разочарованно вздохнул осознавая, что Склока, судя по всему, сегодня не зайдёт. А счастье было так близко...

Немного успокоившись, Печник сообщил, что живёт здесь не один. У него имелись два брата — Черпак и Дембель.

Это уже само по себе звучало как начало новой неприятности. Тем более что о семье Печников было известно следующее:

Семья Печников была организованным стадом.

То есть жила патриархальным укладом,

Где каждый занимался своим делом,

Неплохо справляясь, в общем и целом.

Дух Печник на всех стирал,

Везде и всюду убирал,

Желающих в бане парил.

Черпак Печник — кошеварил,

А Дембель Печник на печи лежал,

Братьев ругал и указания давал.

Как раз в этот момент с печи донеслось сонное поругивание:

— Безобразие...

— Нарушение распорядка...

— Почему отбой не соблюдается?..

Судя по командным ноткам в голосе, это и был Дембель.

Онегин притворно-приторно поприветствовал всё семейство, мысленно проклиная тот день, когда решил убежать от Скуки именно в эту сторону.

Хрень согласно чмокнула его за щекой.

Сырная «Дружба» в кармане заметно размякла.

А Лопух тем временем начал прорастать сквозь ткань штанов и щекотать хозяина чуть пониже спины. С этим определённо нужно было что-то делать. Причём срочно.

— Слушай, — обратился Евгений к Духу с максимально возможным дружелюбием. — А давай я тебе свою «Дружбу» отдам? Или поменяю на что-нибудь полезное.

— Да на кой она мне, твоя дружба? — ответил Печник уже гораздо мягче.

Судя по тону, торговаться он любил не меньше, чем спорить об ударениях.

Вообще Духом он был незлым. Просто душой тяготел к Склоке.

— Так у меня она сырная.

И, указывая на карман, из которого уже начинала выглядывать зелень, добавил:

— Дружба-то у меня с Лопухом. А если не возьмёшь — познакомлю тебя с Волшебным Пинком.

Евгений полагал, что сделал предложение, от которого невозможно отказаться.

И, надо признать, не ошибся.

Печнику знакомство с Волшебным Пинком пришлось не по душе ещё до знакомства. Да так, что он даже забыл взять «Дружбу», лопух. А, нет — не взял дружеский лопух. Или... нет. Честно говоря, автор и сам уже запутался в их непростых отношениях и предпочитает держаться от них подальше. В конце концов, взрослые уже. Сами разберутся.

Как бы то ни было, бутерброд остался при хозяине, зато советы были выданы в полном объёме. И не один, не два, а целых три:

— От Скуки не убежать ногами,
Побеждают её чтением и делами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.